

Категории лингвистического переводоведения в концепции А. Д. Швейцера: элиминировать или применять?

Г. Т. Хухуни¹, И. И. Валуйцева²

^{1,2}Государственный университет просвещения, Мытищи, Московская область, Россия,

¹khukhuni@mail.ru, ²irinaiv-v@yandex.ru

Аннотация. Будучи одним из виднейших представителей отечественного лингвистического переводоведения, А. Д. Швейцер внес значительный вклад как в изучение вопросов теории и практики перевода в целом, так и в разработку их понятийно-категориального аппарата. Однако в последние десятилетия сама правомерность лингвистического подхода к переводу и использования ряда терминов, предлагаемых его сторонниками, стала ставиться под сомнение. В противовес означенной тенденции авторами статьи предпринимается попытка проанализировать ключевые термины и обосновать нецелесообразность их элиминации

Ключевые слова: оригинал, перевод, переводоведение, адекватность, эквивалентность, трансформации

Для цитирования: Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Категории лингвистического переводоведения в концепции А. Д. Швейцера: элиминировать или применять? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 41–47.

Original article

Categories of Linguistic Translation Studies in A. D. Schweitser's Conception: to Eliminate or to Apply?

Georgy T. Khukhuni¹, Irina I. Valuytseva²

^{1,2}State University of Education, Mytishchi, Moscow Region, Russia

¹khukhuni@mail.ru, ²irinaiv-v@yandex.ru

Abstract. Being one of the most prominent representatives of the Russian linguistic translation studies, A. D. Schweitser made a great contribution both to the study of the theory and practice of translation in general and to the development of the conceptual and categorical apparatus of this discipline. Since in recent decades the very validity of the linguistic approach to translation and the use of a number of terms proposed by its supporters have been questioned, the authors of the article attempt to analyze the key terms and justify the inexpediency of their elimination.

Keywords: original, translation, translatology, adequacy, equivalence, transformation

For citation: Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I. (2024). Categories of linguistic translation studies in A. D. Schweitser's conception: to eliminate or to apply? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (884), 41–47.

ВВЕДЕНИЕ

Как было в свое время отмечено в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра, весьма критически оценивавшего и предшествующую, и современную ему науку, «до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными» [Соссюр, 1977, с. 143]. В том фрагменте, из которого взята приведенная цитата, речь шла о дефиниции слова. Вряд ли можно утверждать, что к настоящему времени упомянутая «определенность» полностью достигнута; однако сложно найти научный труд или учебное пособие по лексикологии, в котором не использовалось бы это понятие, хотя в его трактовке и будут наблюдаться существенные расхождения. Такая кажущаяся непоследовательность легко объяснима: невозможно заниматься исследованием в какой бы то ни было области, не опираясь на соответствующую терминосистему, даже если ее применение представляется авторам, принадлежащим к каким-либо направлениям и школам, нецелесообразным.

Приведенный пример может быть спроецирован и на область переводоведения, прежде всего – его «лингвистической ипостаси». Среди обширного и разнообразного научного наследия Александра Давидовича Швейцера одно из ведущих мест занимают труды, посвященные теории и практике перевода. В первую очередь, он был создателем оригинальной системы взглядов, занявшей достойное место среди работ таких корифеев нашей дисциплины, как А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров и др., в том числе – в разработке ее понятийно-категориального аппарата.

В последние десятилетия и в зарубежной, и в отечественной науке наблюдается и даже в какой-то мере доминирует тенденция не просто уточнить те или иные понятия, используемые в лингвистических концепциях перевода, и даже не просто их пересмотреть (ср. приведенную выше аналогию с понятием слова в языкознании), а по сути, полностью отказаться от некоторых из них [Сдобников, 2022]. Указанные лингвистические факторы обуславливают необходимость более подробного рассмотрения данного вопроса.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В 80-е годы XX века А. В. Федоров рассматривал монографию чехословацкой исследовательницы С. Матхаузеровой, посвященную роли перевода и рассуждениям о нем в древнерусской культуре. В целом весьма положительно ее оценивая,

он заметил: «Единственная оговорка, которую может вызвать посвященная переводу глава в труде С. Матхаузеровой, относится к терминологии. Автор широко пользуется термином “теории”, говоря о воззрениях на перевод в древней Руси <...> представлялось бы более уместным, во всяком случае – более осторожным пользоваться понятием “нормативной переводческой концепции” или просто “взглядов на перевод” (во избежание модернизации)» [Федоров, 1983а, с. 39]. Различие между ними автор формулирует следующим образом: «Объективность отношения к предмету исследования, т. е. установка внимания на конкретные возможности перевода, на то, что реально существует в области перевода, а не на то, что должно в нем быть, иными словами – систематизирующий и обобщающий, а не предписывающий характер положений составляет особенность теории <...> Вместе с тем теория всегда предполагает наличие определенной системы научных понятий и категорий, рассматриваемых явлений» [Федоров, 1983а, с. 15–16]. Именно исходя из этого положения, А. В. Федоров относит формирование теории перевода в собственном смысле слова к XX веку, когда и возникла ее лингвистическая ипостась. «Должен был наступить XX в., “век перевода” (как его теперь нередко называют на Западе), эпоха всесторонних и все расширяющихся международных контактов, чтобы самый размах переводческой деятельности определил необходимость в систематическом обобщении накопившегося колоссального опыта» [Федоров, 1983б, с. 156].

Такой подход мог вызвать (и действительно вызвал) упреки в односторонности и стремлении ограничить изучение перевода исключительно его лингвистическими аспектами, от чего сам А. В. Федоров решительно отмежевался. Он отмечал, что «лингвистическим путем не могут быть объяснены все факты из области перевода» [Федоров, 1983а, с. 3–4] и что по данному вопросу ему «были приписаны взгляды, шедшие гораздо дальше прямого смысла его суждений» [Федоров, 1983а, с. 3]. В какой-то степени, акцентирование внимания преимущественно на языковой стороне могло в отдельных случаях привести к затуманиванию других аспектов переводческой деятельности. Однако именно лингвистический подход дал достаточно четкую систему понятий и терминов переводоведения, без чего вряд ли какая бы то ни было другая область могла претендовать на *научный* характер. Необходимо подчеркнуть, что представители лингвистического подхода (не пользуемся здесь словом «теория», поскольку он включает в себя большое количество разнообразных теорий), никогда не сводили сущность

перевода исключительно к передаче «внутритекстовой» стороны. В этом легко убедиться, вспомнив их обращение к «внеязыковой действительности», понятию «макроконтекста» и др. Однако это не отменяет принципа, сформулированного А. Д. Швейцером: «Тот факт, что перевод является речевой деятельностью, сам по себе предопределяет центральную роль языка в процессе перевода» [Швейцер, 1988, с. 52].

ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ

Остановимся еще на одном моменте. В работе А. В. Федорова специально отмечалось, что термин «перевод» означает: «1) процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном – исходном – языке (ИЯ), пересоздается на другом – переводящем – языке (ПЯ); 2) результат этого процесса, т. е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на ПЯ» [Федоров, 1983а, с. 9]. В теоретическом плане важно располагать системой понятий и терминов, пригодных для исследования и того, и другого; однако в практическом сознании первый обычно трактуется как подготовка второго, и именно по результату судят об успешности / неудаче всего предприятия (что отражено в выражении *finis coronat opus*). Результатом же перевода является *текст*. И в этом отношении упрек лингвистического переводоведения в «текстоцентричности», который предъявляли ему представители скопос-теории, представляется несправедливым, прежде всего, в терминологическом плане. Если даже согласиться с тезисом, что оно сосредотачивает внимание исключительно на исходном тексте («linguistic approaches focussed on the source text» [Nord, 2018, с. 7]) – что представляется неоправданным (см. ниже), во всяком случае, при буквальном толковании процитированного утверждения – то в любом случае понятие *текста* (хотя бы переводного) остается в центре внимания исследователя (другой вопрос, с каких позиций он рассматривается).

Эквивалентность, адекватность, переводческие трансформации, инвариант перевода

Термины «эквивалентность» и «адекватность» являются наиболее часто употребляемыми в переводоведческих трудах, причем в дискурсе оппонентов лингвистического переводоведения первый стал олицетворением последнего. Сошлемся на слова

К. Норд относительно «основанных на эквивалентности лингвистических подходах»: «Equivalence-based linguistic approaches» [Nord, 2018, с. 7].

Здесь можно отметить еще один парадокс, опять-таки приводящий на память аналогию с Ф. де Соссюром. В свое время Э. Бенвенист заметил: «Соссюра по праву называют предтечей современного структурализма. И он действительно является таковым – во всем, кроме самого термина. При описании этого идейного течения нельзя подходить к вопросу упрощенно и следует подчеркнуть, что Соссюр никогда не употреблял слова «структура» в каком бы то ни было смысле. Для него самым существенным было понятие системы» [Бенвенист, 1974]. А. В. Федоров также традиционно рассматривается (во всяком случае, в нашей стране) как основоположник лингвистического переводоведения, но при этом он не опирался в своей работе на понятие эквивалентности как на некую базовую категорию. А вот «адекватность», использовавшаяся его предшественниками-литературоведами Ф. Д. Батюшковым и А. А. Смирновым, фигурирует в его работе, причем как фактически полный синоним введенного им термина «полноценность». Раздел его работы носит название «Уточнение вопроса о переводимости и понятие полноценного (адекватного) перевода» [Федоров, 1983а, с. 122].

В исследованиях же коллег А. В. Федорова по «лингвистическому цеху» понятие эквивалентности действительно широко использовалось (возможно, уже не без некоторого влияния со стороны зарубежных работ по переводоведению). Отечественными учеными, в том числе и литературоведами, уже в 30-е годы XX века применялся термин «эквивалент», на что указывал и А. В. Федоров [Федоров, 1983а, с. 126]. В связи с этим возник и вопрос об отношении данного термина к понятию адекватности. Не останавливаясь сейчас подробно на указанной проблеме (авторы настоящей статьи уже высказывали свою точку зрения по этому поводу [Валуйцева, Хухуни, 2010]), отметим только, что здесь наметились (с различными вариациями) два основных пути. Первый состоит в тенденции использовать только один из упомянутых терминов, обычно с предпочтением лексемы «эквивалентность». Его целесообразность подробно обоснована в работе Л. К. Латышева и А. Л. Семенова [Латышев, Семенов, 2003]. Второй путь заключается в «разнесении» этих понятий с той или иной точки зрения. Например, у В. Н. Комиссарова адекватность рассматривается как оценочная / прагматическая категория (перевод – реципиент), эквивалентность – как лингвистическая (оригинал – перевод) [Комиссаров, 2000].

Если обратиться к тому, как разрешалась эта проблема представителями скопос-теории и

другими соприкасающимися с ней течениями, то и здесь заметна определенная двойственность. С одной стороны, это абсолютизация понятия адекватности с принципиальным отрицанием обращения к эквивалентности [Сдобников, 2022]. С другой стороны, допускается применение обоих терминов, но между ними устанавливаются иерархические отношения: «общим понятием» (the generic concept) будет адекватность [Nord, 2013, с. 204], а эквивалентность может иметь место в качестве одной из возможных целей, то есть «критерий эквивалентности смещается на второстепенную позицию <...> эквивалентность превращается в специфическую разновидность адекватности» [Прунч, 2015, с. 68–169]. В связи с этим основоположники скопос-теории утверждали, что термины «адекватность» и «адекватный» применяются к процессу, тогда как «эквивалентность» относится исключительно к результату, а не к процессу отбора языковых знаков, даже в тех случаях, когда целью является создание переводного текста, эквивалентного исходному: «...the terms *adequate* and *adequacy* should be only used to refer to a process. If the aim of the translation process is to produce a target text equivalent to the source text, the choice of linguistic signs will also be classified as 'adequate'. It is only the result, not the process of choosing signs (during translation), which can be called 'equivalent' in this case» [Reið, Vermeer, 2014, с. 128].

Думается, что оптимальное решение данного вопроса предложил как раз А. Д. Швейцер. Он, во-первых, учитывал позицию К. Райс и Х. Фермера (работа которых вышла немного раньше его труда по теории перевода), а, во-вторых, устранял присущую им и их позднейшим продолжателям недооценку категории эквивалентности. Доведенная до крайностей, она породила нигилистическое отношение к тому, что традиционно рассматривалось и рассматривается как важнейший критерий качества перевода, – к выявлению соотношений исходного и переводного текстов. А. Д. Швейцер отмечал, что «эквивалентность – это соотношение между первичным и вторичным текстами (или их сегментами)» и указывал: «Подобно К. Райс и Г. Вермееру, мы исходим из того, что термин “адекватность” применим к переводу в его процессуальном аспекте» [Швейцер, 1988, с. 95]. Вместе с тем он подчеркивал: «критерием адекватности является то, что любое отступление от эквивалентности должно быть продиктовано объективной необходимостью, а не произволом переводчика» [там же, с. 96]. Тем самым снимается вопрос о «превосходстве» одного термина над другим: оба понятия в равной степени необходимы для объективного изучения перевода и находятся в своего рода диалектическом единстве,

разрыв которого неизбежно искажает присущие ему характеристики.

Сходно обстоит дело и с понятием переводческих трансформаций. Опять-таки применительно к нему можно отметить следующее: хотя данный термин, наряду с эквивалентностью, рассматривается как своего рода «визитная карточка» лингвистического подхода к переводу и действительно широко использовался и используется его представителями, в концепции самого А. В. Федорова означенный термин изначально не фигурировал. Его широкое распространение можно отнести уже ближе к 1970-м годам XX века в связи с трудами Л. С. Бархударова [Бархударов, 1975]. Не исключено, что определенную роль в этом процессе сыграла и растущая в те годы популярность концепции Н. Хомского, по отношению к которой использовалось наименование «трансформационная грамматика», хотя в специальной литературе отмечалось, что «в западном переводоведении термин “трансформация” встречается крайне редко; по большей части используется понятие “соответствие”» [Алексеева, 2004, с. 155]. На последующих этапах развития генеративной лингвистики оно постепенно утратило свою значимость, включая и позднейшие труды самого Н. Хомского. Но при исследовании лингвистической стороны перевода оно представляет собой удобный инструмент, который в той или иной форме применялся в большинстве исследований в данной области задолго до его утверждения в качестве специального термина. Заметим, что без преобразования текста – будь то не только межязыковой перевод, но и то, что Р. О. Якобсон называл внутриязыковым или интерсемиотическим переводом – о переводе в каком бы то ни было смысле говорить не приходится. А. Д. Швейцер специально уточнял специфику значения термина «трансформация» в переводоведении: «Термин “трансформация” используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой, замене, которую мы образно называем превращением или трансформацией. Таким образом, описываемые <...> операции (переводческие трансформации) являются по существу межязыковыми операциями “перевыражения” смысла» [Швейцер, 1988, с. 118].

Целесообразность сохранения понятия трансформации в переводоведении в последнее время подробно и убедительно обоснована Н. В. Ивановым, писавшим по этому поводу: «Центральным объектом переводческого анализа является переводческая трансформация, которая объединяет в себе аспекты смыслового тождества

и структурно-языковых различий» [Иванов, 2023, с. 33]. Ссылки на то, что при осуществлении процесса перевода сам переводчик ни о каких трансформациях не думает, не представляются убедительными: говорящий и слушающий в процессе коммуникации не задумываются об этапах порождения или восприятия речи. Однако любая психолингвистическая концепция в той или иной степени занимается ими хотя бы потому, что никакое изучение теории речевой деятельности без их использования невозможно. Применение аппарата переводческих трансформаций дает возможность систематизировать те преобразования, которые имеют место в ходе создания конечного продукта перевода, так же, как категория эквивалентности предоставляет возможность соотнесения того, что получено «на выходе», с тем, что было «на входе». Поэтому, как бы к ним ни относиться, их элиминирование представляется преждевременным, поскольку равноценной замены пока нет.

Еще одно понятие, вошедшее в употребление приблизительно в тот же период – «инвариант перевода», которое не использовалось основоположником отечественного лингвистического переводоведения А. В. Федоровым. Здесь, на наш взгляд, целесообразно опереться на предложенное классиком отечественной психолингвистики А. А. Леонтьевым понятие предела свободы интерпретации текста, которое представляет собой его объективное содержание [Леонтьев, 1997, с. 143, 144]. При его отсутствии речь о переводе как таковом идти не может, даже если вновь созданный текст сохраняет с исходным какие-то внешние связи. Используем пример А. А. Леонтьева: произведение на каком-либо другом языке, где будет фигурировать Элен Курагина как положительный персонаж и пример для подражания, переводом как таковым нами признан не будет. Вопрос о том, насколько удачно это объективное содержание передано, будет рассматриваться уже с применением понятий эквивалентности и адекватности, но *переводом* (хотя бы не самым оптимальным) при его сохранении оно, несомненно, является.

Таким образом, основные категории, используемые представителями лингвистического переводоведения, вполне сохраняют свою значимость, что не исключает ни разногласий в их толковании, ни возможности их уточнения.

Добавим еще один не столько собственно-научный, сколько научно-организационный момент. После утверждения новой номенклатуры научных специальностей, в пункте 20 специальности 5.9.8 имеется раздел «Лингвистическое переводоведение и его основные направления». Поэтому призывы к «делингвистизации» теории перевода и отказу

от его понятийно-категориального аппарата могут привести к дезориентации работающих в данной области аспирантов и докторантов, что, в свою очередь, может не самым лучшим образом отразиться на судьбе проводимых ими исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение перевода не может ограничиваться только лингвистическими параметрами и не сводится к передаче текста в узком смысле слова, но без их учета оно не может претендовать ни на должную степень научной объективности, ни на требуемую в науке достоверность результатов – подобно тому, как здание не сводится только к фундаменту, но надежность постройки без него весьма сомнительна.

Обратим внимание на еще один фактор переводческой деятельности. В 2023 году исполняется 60 лет со дня принятия на конгрессе ФИТ в Дубровнике Хартии переводчика (в 1994 году в Осло она была отредактирована с учетом новых реалий). Напомним два входящих в нее положения, которые, на наш взгляд, относятся к числу «вечных истин» переводческого дела. Одно желательно иметь в виду, когда заходит речь о роли заказчика, инициатора перевода и прочих лиц и / или организаций, выполнению пожелания которых представители скопос-теории отводят чуть ли решающее значение. В этом положении составители Хартии подчеркивают личную ответственность переводчика – независимо от отношений с упомянутыми сторонами: «A translation shall always be made on the sole responsibility of the translator, whatever the character of the relationship of contract which binds him/her to the user»¹. Второе положение подчеркивает юридическую и моральную ответственность переводчика за соблюдение верности передачи содержательной и формальной стороны оригинала. Уточняется, что верный перевод нельзя смешивать с буквальным, поскольку он не исключает адаптации к переводу, позволяющей сделать приемлемыми форму, атмосферу и глубинное содержание оригинала для другого языка и другой страны: «A faithful translation, however, should not be confused with a literal translation, the fidelity of a translation not excluding an adaptation to make the form, the atmosphere and deeper meaning of the work felt in another language and country»². Достижению этой цели во многом способствует творческое применение установок лингвистического переводоведения, в развитие которого А. Д. Швейцер внес огромный и в высшей степени ценный вклад.

¹ The Translator's Charter. Translation Team. URL: <https://www.mstranslationteam.rs/en/blog/the-translators-charter/>

² URL: <https://www.mstranslationteam.rs/en/blog/the-translators-charter/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соссюр Ф. де. Избранные труды. М.: Прогресс, 1977.
2. Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий – переосмысление перевода // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». М.: Военный университет имени князя Александра Невского, 2022. Вып. 7. Т. 1. С. 60–75.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983а.
4. Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л.: Советский писатель: Ленингр. отделение, 1983б.
5. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
6. Nord Chr. Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained. London and New York: Routledge, 2018.
7. Бенвенист Э. Понятие структуры в лингвистике. 1974. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74c.htm>.
8. Валуццева И. И., Хухуни Г. Т. Эквивалентность и адекватность перевода: лингвистический и лингвокультурный аспекты // Языковые измерения: пространство, время, концепт. Материалы международной научной конференции. Часть II. М.: Издательство Военного университета, 2010. С. 245–252.
9. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2003.
10. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000.
11. Nord Chr. Functionalism in Translation Studies // The Routledge Handbook of Translation studies. London: Routledge, 2013. P. 201–212.
12. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015.
13. Reiß K., Vermeer H. J. Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained. London and New York, 2014.
14. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
15. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004.
16. Иванов Н. В. О риторическом аспекте переводческого анализа (в защиту трансформационного подхода к переводу) // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». М.: Военный университет Минобороны России. 2023. Вып. 8. С. 33–41.
17. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.

REFERENCES

1. Saussure, F. de. (1977). Izbrannye Trudy = Selected Writings. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Sdobnikov, V. V. (2022). Pereosmyslenie perevodovedcheskikh kategorii – pereosmyslenie perevoda = Reassessment of the categories of Translation Theory – the Reassessment of Translation. Voenno-gumanitarnyi al'manakh. Seriya «Lingvistika», 7(1), 60–75. Moscow: Voennyj universitet Minoborony Rossii. (In Russ.)
3. Fedorov, A.V. (1983a). Osnovy obshchej teorii perevoda (Lingvisticheskie problemy) = Foundations of the General Translation Theory. (Linguistic Problems). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
4. Fedorov, A. V. (1983b). Iskustvo perevoda i zhizn' literatury: Ocherki = The Art of Translation and the Life of Literature: Essays. Leningrad: Sovetskij pisatel': Leningradskoe otdelenie. (In Russ.)
5. Shvejcer, A. D. (1988). Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Nord, Chr. (2018). Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained. London – New York: Routledge.
7. Benveniste, É. 1974. Ponyatie struktury v lingvistike = The Notion of Structure in Linguistics. <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74c.htm>.
8. I. I., Khukhuni, G. T. (2010). Ekvivalentnost' i adekvatnost' perevoda: lingvisticheskij i lingvokul'turnyj aspekty = Equivalence and Adequacy of Translation: Linguistic and Linguocultural Aspects. Yazykovye izmereniya: prostranstvo, vremya, koncept. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Part II. Moscow: Military University Publisher. P. 245 – 252. (In Russ.)
9. Latyshev, L. K., Semenov, A. L. (2003). Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya = Translation: Theory, Practice and Methods of Teaching. Moscow: Academia. (In Russ.)

10. Komissarov, V. N. (2000). *Sovremennoe perevodovedenie* = Modern translation studies. Course of lectures. Moscow: ETS. (In Russ.)
11. Nord, Chr. (2013). *Functionalism in Translation Studies*. The Routledge Handbook of Translation studies. London: Routledge. P. 201–212.
12. Prunch, E. (2015). *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi* = The ways of development of Western translation studies. From language asymmetry to political one. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
13. Reiß, K., Vermee, H.J. (2014). *Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained*. London – New York.
14. Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* = Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). Moscow: International Relations Publisher.
15. Alekseeva, I. S. (2004). *Vvedenie v perevodovedenie* = Introduction in Translation Studies. Moscow: Academia. (In Russ.)
16. Ivanov, N. V. (2023). *O ritoricheskom aspekte perevodcheskogo analiza (v zashchitu transformacionnogo podhoda k perevodu)* = About the Rhetoric Aspect of the Translation Analysis (In Defense of the Transformation Approach towards Translation). *Voenno-gumanitarnyj al'manah. Seriya «Lingvistika»*. Issue №8. Moscow: The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky. P. 33–41. (In Russ.)
17. Leont'ev, A. A. (1997). *Osnovy psiholingvistiki* = Foundations of Psycholinguistics. Moscow: Smysl. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хухуни Георгий Теймуразович

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения

Валуицева Ирина Ивановна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khukhuni Georgy Teymurazovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of the Theory of Language
English Studies and Applied Linguistics, State University of Education

Valuytseva Irina Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of the Theory of Language
English Studies and Applied Linguistics, State University of Education

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.12.2023
19.01.2024
17.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication